

С. П. ПОСТНИКОВ

<«...Это обаяние личности его как революционного вождя прошло, и он остался одиночкой без серьезной поддержки со стороны каких-либо реальных сил»>

<...> И Керенский в Феврале 1917 года совершенно правильно выражал настроение страны в ее стремлении к миру и обновлению режима. Именно это и выдвинуло Керенского в дни революции на первое место как вождя народных масс, так и [как] представителя революционной власти.

<...> А. Ф. Керенский никогда не был партийным человеком, в обычном смысле этого слова. Он разделял мирозерцание партии, признавал основы программных положений. Но сам уже в эмиграции признавался, что никогда не читал партийной программы и только недавно проштудировал здесь, за границей, программу социалистов-революционеров. Кроме того, он всегда политически действовал за свой страх и риск, не считаясь ни с партийными постановлениями, ни с мнением своих товарищей по партии. В лучшем случае он совещался с несколькими, двумя-тремя, близкими ему друзьями с-рами. <...> Предреволюционные и революционные февральские дни Керенский провел совершенно самостоятельно, как самостоятельно и персонально вошел министром в первый состав Временного правительства. И только постфактум Петроградская конференция¹ нельзя сказать санкционировала, но подтвердила его вступление в Правительство. И дальше, в своей политике в эпоху Временного правительства, Керенский сам намечал свою политику, и только зависимость Временного правительства от Совета рабочих и солдатских депутатов постоянно заставляла его держать контакт с представителями партии в Совете <...>.

Основная слабость политического поведения Керенского в эпоху Февральской революции состояла в том, что он с течением времени ни на кого не опирался и преувеличивал свою роль и силу как

революционного вождя. Можно сказать, что он персонифицировал Февральскую революцию. Действительно, в первые дни этой революции он был настоящим вождем, солдатские и рабочие массы признавали все его заслуги революционного выступления в последние месяцы царизма, считали его чуть ли не единственным настоящим провозвестником прихода революции и верили ему. Но потом, с течением времени, это обаяние личности его как революционного вождя прошло, и он остался одиночкой без серьезной поддержки со стороны каких-либо реальных сил. Керенский, в отличие от Ленина <...> никогда не придавал того значения партийным массам, какое они имеют в борьбе за власть. <...> Но если Керенский в эпоху Февральской революции не хотел опереться и считаться с партийными массами, то он не смог опереться и на другую в то время реальную силу, на офицерство. Правда, он ей был чужд, особенно генералитету, который по существу революцию понимал только, как смену правительства в интересах успешного ведения войны. Но все-таки он должен был найти какой-либо общий с генералами контакт. Но и здесь Керенский преувеличивал свои персональные возможности политического действия как глава правительства и войска. Отсюда проистекали часто его конфликты и с партией, и с офицерством. <...>

А. Ф. Керенский имел много друзей в партии. В общем, к нему было хорошее отношение. Сам по себе не мелочный человек, никогда не занимавшийся интригами партийными, он не имел в партийной среде врагов. Политически против него фрондировали больше всего так называемые левые с-ры, потом вышедшие из партии. Но самых близких политических друзей он имел в среде старых революционеров, во главе с Брешковской. Они его поддерживали на все сто процентов. Потом, почти перед самым октябрьским переворотом они издавали вечернюю газету «Народ». Точно так же группа литераторов из газеты «Воля народа» была целиком в русле политики Керенского и все время поддерживала его. Из членов Центрального Комитета к нему наиболее близкими были: Зензинов, Бунаков², Авксентьев и их друзья. Много сторонников своей политики он имел среди москвичей: Руднев³, Коварские братья⁴, Арманд⁵ и др. Провинциальные с-ры Керенского знали плохо и устанавливали к нему свое отношение по газетам — «Воля народа» или «Дело народа». <...>

